

STUDIA PHILOLOGICA





КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО  
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Р. В. Забашта*

---

РЕГУЛЯТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ  
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА  
И ПОЗИЦИОННЫЙ СИНТЕЗ

*Монография*



Издательский Дом ЯСК  
Москва 2026

УДК 81'42  
ББК 81.2Рус-5  
3 12

Рекомендовано к изданию Ученым советом ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (протокол №14 от 25.09.2025)

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета  
*Т. Г. Бочина* (г. Казань)

доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования  
*Ю. В. Дорофеев* (г. Симферополь)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева  
*Е. А. Журавлёва* (г. Астана, Казахстан)

**Забашта Р. В.**

3 12 Регулятивная организация художественного текста и позиционный синтез. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 488 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907498-98-3

Монография посвящена функциональному обоснованию теории художественного текста, основу которой составляет идея об инвариантности регулятивной (воздействующей) функции языка и позиционное видение устройства текста. Автор использует методологические и гносеологические положения Крымской школы функциональной лингвистики (А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев, М. Г. Маркина-Гурджи и др.) для описания явлений, связанных с восприятием и интерпретацией произведения словесного искусства. В работе предложена функциональная лингвистическая модель позиционной организации русской художественной речи, учитывающая каузативные отношения между характером изображения как регулятивной техники и когнитивно-мотивационными факторами, обуславливающими изменение состояния сознания, т. е. строя мыслей и чувств персонажа (лирического героя). Особое внимание уделено применению позиционного синтеза как способа финализации интерпретационной деятельности, что обеспечивает смыслообразование в результате вскрытия взаимообусловленности когнитивных категорий текста и его композиционной структуры.

Книга адресована специалистам в области теории текста, философской и лингвистической герменевтики, языковедам, литературоведам, искусствоведам, культурологам, аспирантам и студентам гуманитарного профиля.

УДК 81'42  
ББК 81.2Рус-5

ISBN 978-5-907498-98-3



9 785907 498983 >

На обложке: *Гейсбрехт Лейтенс*  
«Зимний пейзаж с лесорубом» (XVII в.)

© Р. В. Забашта, текст, 2026  
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2026

## Оглавление

От автора .....	11
Введение .....	14
<b>ГЛАВА 1. Функционализм как фундаментальный принцип понимания естественного языка .....</b>	<b>29</b>
<b>1.1. Функция и функционализм в философии и лингвистике ...</b>	<b>29</b>
1.1.1. Истоки лингвистического функционализма .....	29
1.1.2. Регулятивная функция как инвариантное функциональное качество .....	42
1.1.3. К понятию «устройство» языка: значимость соотношения онтологических форм языковой деятельности .....	46
1.1.4. Регулятивные категории и функциональные типы речевой структуры .....	53
<b>1.2. Художественный текст: от произведения словесного         искусства к инструменту воздействия на картину         мира читателя .....</b>	<b>57</b>
1.2.1. Культура как инструмент изменения человека .....	57
1.2.2. Искусство в системе культурно-исторических парадигм .....	61
1.2.3. Эстетическое восприятие текста: постановка проблемы .....	65
1.2.4. Различные понимания категории «эстетическое» .....	68
1.2.5. Эстетическое как регулятивное .....	88
1.2.6. О критериях художественности .....	92

<b>1.3. Интериоризация ресурсов общенародного языка в литературном произведении: языковая и концептуальная трансгрессия</b> .....	99
1.3.1. Художественный текст как вариант реализации системы языка в особой позиции регуляции .....	99
1.3.2. Аспекты проблемы языковой субстанции как формы художественного текста .....	106
1.3.3. Социально значимый признак в основе языковой деятельности .....	113
1.3.4. Понятие о трансгрессии в философии постмодернизма .....	117
1.3.5. Языковая трансгрессия .....	122
1.3.6. Трансгрессия в практической речи .....	139
1.3.7. Концептуальная трансгрессия и когнитивные категории .....	144
<b>Выводы к главе 1</b> .....	161
<b>ГЛАВА 2. Изображение как регулятивная техника</b> .....	163
<b>2.1. Языковое выражение и художественное изображение</b> .....	163
2.1.1. Референция в художественном тексте .....	163
2.1.2. Качества художественного изображения в литературном произведении .....	180
2.1.3. Изображение в аспекте регулятивности текста .....	190
2.1.4. Художественный образ и изображающий элемент .....	201
<b>2.2. Textoобразование как гносеологическая проблема</b> .....	213
2.2.1. Понятие о textoобразовании в синтаксисе текста .....	213
2.2.2. Альтернативные подходы к textoобразованию в лингвистике и других гуманитарных науках .....	220
2.2.3. Мыслительное представление и значимые компоненты текста .....	237

<b>2.3. Функциональные основы лингвистической работы с текстом</b> .....	250
2.3.1. Смысловое чтение и читательская грамотность .....	250
2.3.2. О лингвистической инструментологии .....	255
2.3.3. Метод стилистического анализа текста как инструмент понимания его содержания .....	260
<b>Выводы к главе 2</b> .....	268
<b>ГЛАВА 3. Система регулятивных позиций в художественном тексте и позиционный синтез</b> .....	271
<b>3.1. Сильная позиция текста как предмет лингвистического анализа</b> .....	271
3.1.1. О редукции коммуникативной стороны текста .....	271
3.1.2. Мотивационные аспекты описания текста .....	277
3.1.3. Обоснование текстовой позиционности в отечественных лингвистических школах .....	279
<b>3.2. Система позиций в функциональной теории текста: восприятие — интерпретация — понимание</b> .....	286
3.2.1. О применимости личного опыта для осуществления процедуры интерпретации .....	286
3.2.2. Регулятивная позиция как системное качество текста ...	292
3.2.3. Позиция конституирования предмета изображения ...	304
3.2.4. Позиция атрибуции предмета изображения .....	316
3.2.5. Позиция семантической аномалии .....	332
3.2.6. Позиция текстовой доминанты .....	338
3.2.7. Позиция интертекстуальности .....	351
3.2.8. Позиция образно-композиционной характеристики персонажа .....	367
<b>3.3. Регулятема как интерпретационная единица</b> .....	381
3.3.1. Проблема двусмысленности содержания языковых единиц и текста .....	381

---

3.3.2. Условия преодоления автоматизма восприятия . . . . .	389
3.3.3. Регулятема в позиционной модели текста . . . . .	401
3.3.4. Позиционный синтез как способ финализации процедуры интерпретации . . . . .	406
<b>Выводы к главе 3 . . . . .</b>	<b>432</b>
Заключение . . . . .	434
Библиография . . . . .	439
Именной указатель . . . . .	473

В мире человека функция реалии  
определяет ее субстанцию.

*А. Н. Рудяков*

Целостность структуры и компози-  
ции художественного текста обеспе-  
чивается, в конечном счете, единством  
стоящего за ним сознания.

*Е. В. Падучева*

Люди сами создают в объекте условия  
приобретения знаний о нем...

*М. К. Мамардашвили*



## От автора

Приступая к написанию крупной научной работы, исследователь обязан задаться вопросом, в чем состоит ее практический потенциал и как можно будет воспользоваться ее результатами. Специфика «хорошей» лингвистической теории художественного текста в этом смысле заключается в том, насколько применяемый в ней метод способен синтезировать закодированное в тексте нетривиальное знание. Речь идет о представлениях о мире, в котором нам хотелось бы жить, и, конечно, о людях, с которыми нам жаждалось бы этот мир творить... Иначе говоря, применение определенного способа описания и интерпретации текста должно давать что-то значимое с точки зрения понимания концепции автора. Если же теория не способна сделать такое знание явным, вряд ли можно говорить об адекватности применяемого в ней познавательного инструментария. И литературные произведения, с данной позиции, являются беспримерным источником интеллектуальных моделей по изменению Универсума и коррекции отношения Человека к самому себе, в том числе в конкретно-исторических условиях. Поясним далее нашу мысль необходимостью выработки функционально грамотного ответа на вызовы нашего века.

Среди стратегических целей образования в нашей стране одной из ведущих признается «сохранение и развитие значимости русского языка как одного из объединяющих факторов многонационального Российского государства» [НДОРФ 2022: 26–28], что обусловлено статусом государственного языка Российской Федерации и его ролью в определении языковой, культурной и цивилизационной идентичности. Важнейшей составляющей данной миссии следует признать обучение школьников и юношества основам метапредметного освоения окружающего мира. Среди магистральных направлений этого вида деятельности ведущее положение принадлежит обучению читательской грамотности на государственном языке, поскольку овладение соответствующей компетенцией позволяет обеспечить как эффективность

социального взаимодействия, так и формирование у школьников и студентов неискаженной картины мира, в том числе гражданско-патриотического компонента мировоззрения. Именно поэтому культура работы с литературным произведением во многом предопределяет формирование рефлексивного отношения к другим социальным явлениям в самом широком смысле слова. Так, целенаправленное обучение аналитическому чтению и основам истолкования литературного произведения закладывает способность личности адекватно представлять исторические события и передавать их ценность последующему поколению (см., например: [Борисенко 2022; Горелов 2024; Круглякова 2022; Кулибина 2000]). Кроме того, понимание идейно-образного содержания классических текстов русской литературы способно обеспечить воспитание личности в духе традиционных ценностей, прививать молодежи эмпатический тип восприятия действительности, а также делать вклад в формирование ответственной гражданской позиции.

Отношение к произведениям классиков при составлении единой программы обучения в рамках гуманитарных дисциплин должно быть *функционализировано*, т. е. достигнуто понимание того, чтение каких текстов способствует развитию учащихся, формированию неискаженного взгляда на явления жизни и ее вызовы. А. Н. Рудяков отмечает, что «...монолог — это не что иное, как диалог с отсроченной ответной репликой, с ответом в другом месте, в другом времени, в иной ситуации. Надо признать, что монологический текст как текст без адресата — это фикция, такая же, как нормальный мир. Не существует текста иначе как компонента полилога. Текст — это речь, организованная субъектом для участия в полилоге. Текст — это всегда реакция на текст собеседника. Текст — это всегда со-текст. <...> невозможно существование текстов, не ориентированных на восприятие, равно как невозможно существование текстов, не являющихся реакцией на какую-либо предшествующую реплику. Отдельный текст — это не более чем одно из звеньев в бесконечной цепи человеческого со-беседования людей, народов, поколений» [Рудяков А. 2013: 8–9]. Поэтому нам представляется возможным взять на вооружение такое понимание текстопорождения и текстовосприятия, предложив один из вариантов научного понимания вопроса об организации художественного текста, поскольку все, о чем сказано в нашей работе, — это тоже элемент продолжающейся глобальной «цепи со-беседования» на русском языке о ценностях нашего мира — Русофонии.

Предлагаемая книга посвящена вопросам функционального обоснования теории художественного текста, в основу которой положена идея об инвариантности регулятивной функции языковой деятельности. Впервые предложена лингвистическая модель позиционной организации литературного произведения, учитывающая связь между характером изображения как регулятивной техники и когнитивно-мотивационными факторами, обуславливающими изменение состояния сознания, т. е. строя мыслей и чувств персонажа (лирического героя).

Автор приносит глубокую благодарность основателю Крымской школы функциональной лингвистики — доктору филологических наук, профессору Александру Николаевичу Рудякову — за всестороннюю поддержку и неоценимую помощь в осмыслении наиболее важных положений написанного текста; рецензентам монографии: доктору филологических наук, профессору Татьяне Геннадьевне Бочиной; доктору филологических наук, доценту Юрию Владимировичу Дорофееву; доктору филологических наук, профессору Евгении Александровне Журавлевой; а также ознакомившимся с рукописью коллегам из Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: и. о. декана факультета русского языка и литературы, доктору филологических наук, доценту Наталье Александровне Сегал; кандидату филологических наук, доценту Лидии Федоровне Щербачук — за профессиональный взгляд на работу и ценные рекомендации.

## Введение

В начале 1920-х гг. в работе «Филологические исследования: Лингвистика и поэтика» Г. О. Винокур писал: «Спайка языковедения и поэтики — дело, конечно, не легкое, но насущно необходимое. Все затруднения объясняются, с одной стороны, многолетней антинаучной традицией истории литературы, с другой же — состоянием самого языковедения, которое в настоящее время слишком натуралистично и не научилось еще рассматривать язык с точки зрения его функции» [Винокур 1990: 14]. Прошло немного более ста лет с момента выражения такой весьма категоричной оценки, однако с сожалением можно констатировать, что многие вопросы, на которые обратил внимание Г. О. Винокур, до сих пор не решены в силу как методологической нестройности исследований в области теории текста и лингвистической поэтики, так и гносеологически слабой разработанности методик, им соответствующих.

Если подойти к обозначенному вопросу с учетом количества написанных по данной научной проблематике языковедческих работ, то выяснится одно характерное обстоятельство. Развитие представлений о методах лингвистического описания, интерпретации художественного текста и гносеологических точках зрения на него обнаруживает неожиданно богатое разнообразие подходов к решению проблем, возникающих в соответствующих предметных областях. И тем не менее, как это ни парадоксально, «во многих работах говорится об отсутствии общей синтезирующей теории, которая могла бы объяснить явления межзнаковых переходов в сознании и в продуктах творчества» [Горюнова 2020: 25]. Указанное обстоятельство, без сомнений, весьма симптоматично для нашего времени — завершающейся первой четверти XXI в. В нем в основном фокусе внимания до сих пор находятся «межзнаковые переходы», «продукты творчества» и пр. терминологические словосочетания, не рискующие по какой-то причине трансформироваться в такие, которые бы

в своем применении пролили свет на пользователя языка как автора и как читателя текстов о ценностях Человека.

В чем же заключается причина такого положения?

Во-первых, несмотря на то что в истории отечественного языкознания уже накоплен значительный опыт исследования литературных произведений с помощью лингвистических методик, требуется синтез знания из разных предметных областей, на что обращал внимание еще В. В. Виноградов: «Для того, чтобы работа по изучению художественной речи была действительно плодотворной и научно-целесообразной, необходимо стать в русло тех лингвистических достижений, которые совместными усилиями филологов и лингвистов скоплены» (цит. по: [Кремнева 2010: 7]). По-видимому, развитие науки требует даже расширения таких потенциальных источников, позволяющих синтезировать адекватное знание о языке.

Достижения на этом поприще не столько являют нам необходимость в междисциплинарных исследованиях, сколько подталкивают нас к пониманию важности правильной постановки вопроса о функциональной обусловленности художественного текста без привязки к отдельным предметным областям. Так, А. В. Кремнева, раскрывая смысл фрагмента из книги одного из знаковых представителей русского космизма, отмечает следующее: «В. И. Вернадский предсказывал, что рост научного знания в конечном счете приводит к стиранию жестких границ между отдельными науками, в результате чего исследователи придут к необходимости, в целях более глубокого проникновения в суть объекта исследования, специализироваться не по наукам, а по проблемам» [Там же]. Как представляется, такая постановка вопроса применима и к гуманитарным наукам. Научные дисциплины (языкознание, литературоведение, семиотика, герменевтика, риторика, теория речевого воздействия, история, философия, антропология, социология, культурология, психология, эстетика, искусствоведение, религиоведение, имагология и некоторые др.) представляют ценность в том смысле, что их данные позволяют осуществить метасистемное познание языковой деятельности как направленного движения человеческого духа в процессе освоения и очеловечивания Универсума. И роль художественной литературы в этом процессе не может быть занижена, поскольку именно произведение словесного искусства обладает неизменным воспитательным и мировоззренческим потенциалом.

Во-вторых, постулируемая сообществом русистов эпоха антропоцентризма как ведущего принципа в гуманитарных науках предполагает смену парадигмы и признание функционализма в качестве методологии, способной предложить адекватное знание о тексте как форме осуществления языковой деятельности вообще и о художественном тексте в частности. Традиционному субстанциональному языкознанию, по определению А. Н. Рудякова [Рудяков 2023], необходимо выйти за пределы имманентного уровня исследования языка и обнаружить в тексте инструментальное устройство, т. е. дать такое описание, которое объясняет и происхождение естественного языка, и законы его развития, и многообразие условий функционирования, и инвариантное регулятивное назначение, и — что наиболее важно для проблематики предлагаемой книги — сущность художественного текста.

Тем не менее отечественная лингвистическая поэтика, равно как и общая теория текста, во многом по-прежнему остается наследующей исходное, преимущественно субстанциональное знание, которое выступает в качестве методологической призмы и предопределяет ограниченность получаемых с его помощью результатов. Поэтика и сегодня ориентируется либо на формальную сторону текста, либо на раскрытие его семиотической природы. Примечательны в этом отношении определения ключевых терминов рассматриваемой нами познавательной области. Так, А. А. Липгарт очерчивает следующее понимание лингвопоэтики: «Лингвопоэтическими называются такие исследования, которые направлены на выяснение характера взаимодействия формальной и содержательной стороны художественного текста, на выявление роли языковых элементов в создании эстетического эффекта» [Липгарт 1995: 130]. В другом научном источнике дано такое определение: лингвопоэтика — «особый раздел филологии, предметом которого является совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [Задорнова, Матвеева 2007: 116]. Постулирование формы и содержания как существенных сторон языковых средств закономерно приводит апологетов субстанционального видения языка к необходимости задавать такую герменевтическую проблематику, с помощью которой в художественном тексте удастся увидеть реализацию эстетической функции — качества, применимого

к артефактам, относящимся изначально к пространственным и временным видам искусства, и не отражающего, на наш взгляд, сущность произведений искусства словесного (примечателен в этом смысле тезис Л. Н. Мурзина и А. С. Штерн о том, что эстетизации могут быть подвергнуты не только артефакты искусства, но и любые предметы, явления и что этот процесс связан с особенностями нашего вербального сознания [Мурзин, Штерн 1991]). Осознание же того, что литературное произведение есть результат реализации языка в особой *регулятивной позиции*, в такой «надпозиции», которая организована автором текста с целью воздействия на картину мира читателя через преодоление утилитарного понимания и ощущения явлений жизни, приводит к необходимости построения иной лингвистической теории художественного текста.

В работе «Лингвистика и ее “скелеты в шкафу”» А. Н. Рудяков обращает внимание на зависимость научной теории от примененного в ее структуре центрального понятия — объекта исследования: «Положите в основу науки “понимание” языка как совокупности знаков, и языкознание станет “до одури” классифицировать знаки и считать это своей миссией. А что будет, когда мы в фундамент заложим определение языка как орудия регуляции? Мы получим совсем иную науку — науку, которая придаст смысл существования и функционирования “груде” знаков» [Рудяков 2020: 105]. Чрезвычайно актуальной задачей в этой связи представляется решение вопроса о том, какой способна стать лингвистика художественного текста, если в основу ее методологического и гносеологического начал положить регулятивное определение естественного языка и обеспечить строгое следование такому видению. Отмеченное направление исследований представляется нам обладающим особой практической значимостью по причине способности классических произведений литературы транслировать духовные ценности и приобщать читателей к другому способу понимания действительности: «В современной лингвистике все более утверждается представление о речемыслительной деятельности человека как способе переживания / освоения / оценивания опыта в определенных ситуациях жизненного мира и его материализации через дискурсивно / текстовые образования в их воздействующем качестве социальных практик через процессы формулирования значимых смыслов» [ЛАЗС 2011: 9]. Как только человек смог сформулировать такой

значимый смысл, понять его, значит, для него становится доступной сфера изменения действительности согласно осознанному принципу.

История развития представлений о художественном тексте, включающая разные этапы и уровни его познания в рамках как филологии, так и смежных научных дисциплин, как было замечено ранее, обладает огромным потенциалом в смысле выработки синтезирующего метода. Проблемы семиотики художественного текста, лингвистической поэтики, стилистики текста составили предмет комплексного, всестороннего исследования в трудах следующих отечественных и зарубежных ученых, философов: И. Л. Альми, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Г. Баранов, Н. С. Болотнова, Н. С. Валгина, А. В. Вдовиченко, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. Л. Гаспаров, Н. Ю. Гончарова, А. И. Горшков, В. П. Григорьев, В. Я. Задорнова, В. И. Заика, Т. С. Золян, Л. В. Зубова, В. П. Изотов, А. Т. Грязнова, Н. А. Дмитриева, М. Я. Дымарский, В. М. Жирмунский, А. К. Жолковский, Л. Г. Кайда, А. Н. Кожин, В. А. Кухаренко, И. П. Кудреватых, Б. А. Ларин, А. А. Липгарт, Ю. И. Левин, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, В. А. Маслова, М. В. Михайлова, Е. А. Некрасова, Н. Н. Ничик, М. В. Панов, Д. И. Петренко, Д. М. Поцепня, Л. В. Рацибурская, О. Г. Ревзина, С. Н. Руссова, Л. Н. Синельникова, Н. Н. Смирнова, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, В. И. Супрун, К. Ф. Тарановский, Б. В. Томашевский, И. С. Улуханов, Б. А. Успенский, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова, К. Э. Штайн, Л. В. Щерба, Н. В. Черемисина, В. Е. Чернявская, А. А. Чувакин, В. В. Фещенко, Р. О. Якобсон и др. Вместе с тем в нашей работе предпринята попытка учесть основные идеи, отвечающие методологии функционализма, из других сфер научного и философского познания (прежде всего таких, как семиотика; психология; искусствоведение; философская, лингвистическая и литературоведческая герменевтика). Данные концепции междисциплинарного характера изложены в трудах следующих ученых и мыслителей: К.-О. Апель, Д. Н. Ахапкин, Р. Барт, М. М. Бахтин, Г. И. Богин, А. А. Брудный, Л. Г. Бузук, Х.-Г. Гадамер, М. М. Гиршман, А. А. Еникеев, В. З. Демьянков, К. А. Долинин, М. П. Жигалова, В. Я. Задорнова, Э. Кассирер, Л. Г. Ким, Ю. Кристева, О. В. Лещак, Ф. Меррелл-Вольф, Ю. С. Моркина, А. В. Назарчук, С. П. Незнамова, О. М. Ноговицын, С. И. Поварнин, П. Рикер, П. А. Руднев, Н. А. Рудяков, А. В. Сафронов, Е. И. Ситникова, М. Е. Соболева, И. Н. Сухих, Э. Тисельтон, О. И. Уланович, Т. Фостер, Т. М. Шатунова,

В. И. Шубинский, Е. Н. Шульга, Г. Фреге, М. Фуко, С. Хикс, У. Эко, М. Н. Эпштейн и др.

Именно в смежных с языкознанием предметных областях, в частности в семиотике, когнитивистике и психолингвистике, мысль о существенной роли языковой личности и состоянии ее сознания проявлена достаточно полно и недвусмысленно. Следующее мнение Б. А. Успенского иллюстрирует это утверждение: «...структуру художественного текста можно описать, если вычленишь различные точки зрения, т. е. авторские позиции, с которых ведется повествование (описание), и исследовать отношение между ними (определить их совместимость или несовместимость, возможные переходы от одной точки зрения к другой, что в свою очередь связано с рассмотрением функции использования той или иной точки зрения в тексте)» [Успенский 1995: 14]. Сходный по общему посылу взгляд прослеживается в работах В. П. Белянина по психолингвистике: «Художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. <...> картина мира, отображенная в художественном тексте, является структуризацией и вербализацией картины мира автора как личности, обладающей акцентуированными характеристиками» [Белянин 2000: 55].

Подобное видение проблемы организации литературного произведения открывает перспективу метасистемного описания языковой деятельности, отказ от превалировавшей вплоть до конца XX в. установки на описание имманентных качеств объекта лингвистической теории текста. Как нам представляется, именно взгляд извне собственно языковедческой проблематики на систему факторов, предопределяющих порождение семиотического артефакта, способен пролить свет на реалиепорождающие закономерности устройства художественного текста, на сферы, демонстрирующие речевую технику изображающего типа. И поскольку каждая рукотворная реалья не просто хранит «след» своего создателя, но и в самом ее устройстве заложено овеществленное, как бы застывшее в субстанции понимание способа взаимодействия с миром и техники его преобразования, нам следует увидеть в тексте нечто большее, чем соотношение между конкретным замыслом отдельного индивида и воплощением этого замысла в одном из вариантов конфигурации формы и содержания. Показателен в этом отношении смысл следующей цитаты. «Науки о духе, — писал немецкий социолог

Х. Фрайер, — находят свой материал и свою проблематику всюду, где формы и изменения внешнего мира могут быть поняты как выражение человеческой жизни. Камень как материальную структуру изучают физика и химия, но то обстоятельство, что этот камень в давние времена парой грубых ударов был обтесан и превращен в молоток, или что на нем вязью нацарапаны какие-то знаки, делает его человеческим документом. Теперь через его материю просвечивает духовный смысл, и, воспринятый таким образом, он из предмета минералогии становится предметом гуманитарных наук» [Фрайер 2013: 9]. Беря на вооружение такое прекрасное сравнение, мы можем с уверенностью сказать, что назрели предпосылки для наступления лучезарного этапа в отечественной науке о языке, когда лингвисты способны постигнуть «просвечивающуюся» сквозь языковую субстанцию функциональную сущность текста.

Осознание внутренних противоречий языкознания, лишь очерченных нами беглыми штрихами, позволило А. И. Горшкову заметить одну весьма характерную особенность в развитии русистики нашего времени: «...расхождение науки о языке с филологией, о котором говорил Л. В. Щерба, возникло, в частности, и потому, что на определенном этапе развития языкознания для одного из аспектов лингвистических исследований тексты оказались лишь “языковым материалом” и перестали быть непосредственным объектом изучения. Внимание лингвистов сосредоточилось преимущественно именно на “выведенных” из текста “концептах” (грубо говоря, изучать стали, что попроще), в результате чего языкознание и стало быстро утрачивать свою филологическую сущность. Отсюда пошло и представление о языке как системе абстракций (это опять-таки проще: вместо изучения сложной и противоречивой языковой реальности рассуждать об удобно построенных самими же лингвистами “конструктах”). Но ведь язык — не в созданных учеными схемах и не в словарях и грамматиках, язык — в текстах, в объективной действительности употребления. Языкознание не ограничено (как кажется многим) уровнем языковых единиц, оно “работает” (может, должно “работать”) также на уровнях текста и языка как системы разновидностей его употребления» [Горшков 2006: 19].

Многие исследователи считают, что языковедческая проблематика применительно к вопросам организации текста предельно ограничена, узкопрофессиональна, а задачи, которые соответствуют такой